

24. ЖЕЛЕЗНАЯ ДЕВОЧКА

Из письма современницы автору:

“Долго не решалась написать вам, потому что виновата перед вами. Может, вы уже и забыли, как много лет назад я не помогла вам найти правду в забитой могилевской деревне Прилесье. Сейчас сама ищу ту правду, уже отчаялась. Случилось горе: изнасиловали мою единственную дочь Наташку. Я живу в Могилеве, а в Прилесье, как вы знаете, живут мои престарелые родители. На лето дочка поехала к ним. Окончила школу, сдала экзамены, перед поступлением в институт решила отдохнуть. Пошла там на танцы. На лето в Прилесье собирается много молодежи, все друг друга знают с детства, приезжают к бабушкам-дедушкам, знакомятся, дружат. Так и моя. Знала трех городских парней, которые после танцев захотели проводить ее домой. А они заманили ее в лес, и каждый два раза изнасиловал.

Возбудили уголовное дело. Почти год следователи тянули-тянули, вваливали, и вот виновата во всем моя девочка. Следствие решило, что она спровоцировала изнасилование. Как будто в ее сумочке нашли видеокассету с групповым сексом. Значит, у нее существовала психологическая установка испытать это. Следователь так решил, дело закрыл. А кассета была не дочкина. У нас дома нет видеомагнитофона. Кассету ей подбросили в сумочку. Это сделали или следователь, или участковый. А может, сам насильник. Они там все связаны. Один изверг был внуком знакомого вам лесника-убийцы, у того уже двадцать лет назад район был в свояках и друзьях. С тех пор их наплодилась тьма. Внучек убийцы учится на юридическом факультете. Лесник в могиле, а тьма правит, мстит всем, кто пикнет против.

Наш адвокат добился, чтобы сняли отпечатки пальцев с той кассеты. Дочкиных пальчиков не нашли. В протоколе записали, что стерлись от небрежного обращения с вещественными доказательствами. Адвокату побили машину, он наше дело бросил. Посоветовал: бросьте и вы, Наташка поправилась, не напоминайте ей о кошмаре, переезжайте в другой город, где ее никто не знает, измените фамилию семьи, забудьте о деревне Прилесье. Подонки не только совершили преступление, но и лишили нас родины. Я не хочу подчиняться им всю свою жизнь. Один раз я уже сделала так. И понесла наказание. Помогите, если можете, если простили меня.”

Если человек сам себя судит, значит ли это, что он действительно виновен?

Двадцать лет назад на беременную жительницу Прилесья напала бодливая корова местного Лесника (подлинные фамилии назвать не могу; псевдонимы придумывать не хочу; чтобы не навести "тьму" на горемычную семью, опускаю или изменяю некоторые детали истории). Женщина стала кричать. Прибежали мужчины с палками, с трудом отогнали злую корову, не впервой показывающую свой нрав. Беременную доставили в больницу, где ее и ребенка удалось спасти.

Корова изрядно потрепала женщину. Доктор оформил справку "о побоях". Народ выступил свидетелем, единодушно восстав против бодливого террора. На территории сельсовета создалась революционная ситуация. Леснику пришлось предписание: корову по кличке "Пеструха" в трехдневный срок сдать на мясокомбинат. Леснику было жалко расставаться с "Пеструхой", она его не бодала, а кормила, была высокоудойной, о чем знал отец спасенной женщины, работающий Молокосборщиком. Он и солидарная с ним деревня радовались, что пришел конец "Пеструхе", а Лесник затаил месть. Однажды он сказал Молокосборщику: "Недолго тебе осталось траву топтать!" Угрозу слышали Односельчанин и двое незнакомых мужчин, будто приехавшие к Леснику за дровами.

В тот же день Молокосборщик с пустыми бидонами на телеге возвращался с молокозавода. Дорога шла через березовый лес. К телеге выбежали две собаки Лесника и залаяли. Следом из березняка вышли двое мужчин, которых Молокосборщик утром видел у Лесника. Попросили подвезти. Разрешил. Один попутчик сел спереди, другой сзади. Впередисидящий взял сборщика молока за грудь, сзадисидящий ударил по шейному позвонку и сломал его. Затем ему сломали челюсть. Старика стащили с телеги, взяли за руки-ноги, начали бить о дорогу. Затем безвольное тело положили на повозку, вожжи привязали к бидону, стеганули лошадь, она пошла к дому, где жил избитый. За пару метров от дома был легкий подъем, телега наклонилась, тело Молокосборщика сползло на дорогу. Умная лошадь остановилась и ждала, пока появились Люди.

Придя в сознание, Молокосборщик, с трудом шевеля сломанной челюстью, сообщил Людям, кто и где его бил. О том же он рассказывал в больнице Санитаркам, Врачам, Больным, Детям, Брату, Участковому.

Одно из письменных свидетельств:

"Я находилась на лечении в больнице, палата номер 4. В ночь с 10 на 11 июня 19... года видела Молокосборщика. Слышала, как милиционер выгнал его брата из палаты, грубо обращался с больным, обозвал пьяницей... Сутки прошли, другие прошли, на третьи пострадавший умер. За это время никакого следствия больше не проводилось. А когда он умер, понесли его на

носилках, прибежал Лесник. Говорит, что он родственник умершего. Спрашивает, куда повезут на экспертизу. Узнал и поехал туда.”

15 июня 19... года деревня Прилесье похоронила Молокосборщика — участника Великой Отечественной войны, пенсионера, отца пятерых детей. Односельчане не сомневались, что его убийство организовал Лесник. Говорить об этом открыто боялись. Шептались, что раскрытия преступления не ведется. Следователь появился в деревне лишь на второй день после трагедии. Место преступления не изучил. Отпечатки пальцев с бидона и с вожжей не взял. Опознание подозреваемых потерпевшим не произвел, хотя двое приезжих мужчин были задержаны, потерпевший находился в сознании, лечащий врач следственной процедуре не препятствовал.

Люди не хуже юристов знали, как надо устанавливать юридическую истину. Однако Люди еще раньше познали истину более полную, совпадающую с жизнью: юридическую процедуру для придания ей скорости и нужного направления следует обязательно подмаслить, усластить, укрепить кровным родством.

Хочешь быть сильным — вырасти сына-милиционера. Желаеть всегда быть правым — имей брата-судью. Ради удачи на воровском фронте пей с прокурором-соседом. Бери, земляк, пример с Лесника, у него под погонами три близких родственника.

Если у тебя нет свояка, друга, знакомого, собутыльника в органах — ты бесправный лопух. Солнце светит, но ты завянешь. Чтобы жить — ищи зацепки и связи. Фемида любит мясо, коньяк, сладости. Клади на ее весы — заметит даже с повязкой на глазах. Чтобы заметила, ты ей шепни. На богиню надейся, а сам не плошай!

Даже глухая деревня связана с системой. Захотелось одному пареньку пойти в милиционеры — глядь, через годик-второй взвод односельчан топчет городской асфальт бесплатными ботинками, молотит хулиганов и оппозиционеров дубинками, обеспечивает родителей дефицитами, благами и любовью местной власти. А если кто-то из твоей деревни выбился в завхозы либо в президенты — страна, землячок, у тебя в кармане.

На поминках близкие покойного чуть не перессорились. Одни отстаивали истину судебную, другие — жизненную, и этих, других, набралось подавляющее большинство. Они жили в Беларуси, имели крючки и связи, начали, было, коллективно плести из них сети для Лесника, но, увы.

Верх все-таки одержал родственник из России, он был еще более зрелым, чем жизнь, и еще более чутким, чем Фемида. Прокурору Беларуси он послал жалобу на район, в котором стояла деревня Прилесье. К фактам присовокупил

наиправильнейшую сентенцию: "Неужели после такого зверского убийства мы должны потерять веру во все хорошее в нашей жизни? Мне стыдно и горько за действия правоохранительных органов района. В протоколах пишут, что хотят. Состряпали новую судмедэкспертизу, подписанную кем попало. Не обращают внимания на показания свидетелей. О, где же совесть этих людей, ставших на защиту преступника?"

Из Минска жалобу переслали в район. Следователь, который не поспешая вел дело о происшествии в деревне Прилесье, отреагировал немедленно — дело закрыл ввиду того, что Молокосборщик умер от ушибов, причиненных вследствие падения с телеги в нетрезвом состоянии.

Жена Молокосборщика, узнав от следователя «истину», 5 сентября того же года умерла на том месте, где истязали мужа.

Российский родственник год-второй писал жалобы во все руководящие инстанции СССР. И на каждую получал ответ из района: Молокосборщик убился сам.

Очередную жалобу упрямый правдоискатель послал в "Литературную газету", лично мне, сборору по Беларуси. "Очень просим вас помочь нам найти справедливость, чтобы наказать преступников по всей строгости закона и чтобы понесли наказание лица, которые всячески стараются скрыть это преступление. Надо всколыхнуть гнилое белорусское болото, где нет ничего святого."

За год энтузиаст-правдоискатель проделал толковую следственную работу. Собрал новые факты, нашел прямых и косвенных свидетелей. Выяснилось, что в тот день в том же березняке случайно оказалась шестнадцатилетняя школьница. Девочка видела все. Потрясенная, она прибежала домой и рассказала родителям. Молокосборщика били трое: двое незнакомых мужчин и ... старший сын лесника.

Об отпрыске лесника вспоминал в больнице и пострадавший, но тогда этому не придали значения — дескать, бредит старик. Третий соучастник, судя по всему, вышел из лесу чуть позже, надеясь, что старик уже ничего не воспринимает.

Показания девочки могли стать ключевым фактором в установлении истины. Отмахнуться от неожиданного свидетеля было невозможно. Следователь выехал в деревню, побеседовал с девочкой, с ее родителями. Вынес заключение, что открывшиеся факты и показания ... несущественны, запутанны, не могут быть приобщены к делу.

Если бы не та девочка, я бы не стал заниматься журналистским расследованием ввиду его неперспективности для публикации. Редактура

“Литгазеты” требовала железных фактов и аргументов. Их добывали в два этапа: сначала в командировку выезжает сотрудник редакции, имеющий юридическое образование и опыт работы в правоохранительной системе, затем — журналист, уже вооруженный разработкой юриста.

Если расследование начинал сам журналист, то его материал по внутриредакционному конвейеру поступал к юристу, и тот подвергал автора дотошному допросу о происхождении деталей, умозаключений и даже метафор. Редакционный юрист знает о подленьком свойстве бывших коллег прицепиться к неточному слову и развести антимионии. Девочка-свидетель была железным фактом. Я взялся за расследование.

В Прилесье “железной девочки” я не нашел. Вчера родители куда-то отправили ее, а куда — не сказали, как я ни убеждал в необходимости наказания зла, лишившего человека главного права, дарованного Богом, — права на жизнь.

Молокосборщик был мертв, ему уже не поможешь. А Лесник был жив-здоров и всемогущ. Позавчера приходил и предупредил: если вы и ваша дочка скажете корреспонденту хоть слово, пеняйте на себя, достану из-под земли, я помру, так сыны достанут.

Жизнь их дочери была в руках Лесника. Абстрактные права человека, о которых я им торжественно говорил, воспринимались ими как право более сильного человека распоряжаться их судьбами. Они убедились, что угрозы Лесника сбываются. Кто ему поперек — избивает, издевается, не дает сена и дров. Пообещал отомстить каждому, кто поддастся уговорам праведника-россиянина и подписал жалобу в прокуратуру. Как узнал фамилии? От следователя. У них родня-шайка. Как узнал о приезде корреспондента? Видимо, тем же путем. Перед поездкой в Прилесье я звонил следователю, спрашивал о девочке-свидетеле.

Если бы я не позвонил следователю, он бы не сообщил Леснику о моем приезде. Лесник не напугал бы родителей девочки, она никуда не уехала бы, рассказала бы мне об убийстве. Я сочинил бы статью. Отреагировала бы Генеральная прокуратура СССР, спустила бы указание вниз. Районный следователь достал бы из архива закрытое дело, взял бы чистый бланк и переписал бы из пожелтевшего бланка текст о том, что, как уже установлено, Молокосборщик умер вследствие падения с телеги будучи в нетрезвом состоянии. А во время этой антимионии Лесник или его попомогатые покалечили бы мой источник информации, девочку из Прилесья. И таким образом я спровоцировал бы новое преступление, был бы его соучастником.

Двадцать лет назад я подчинился лишенному правовой культуры кардинальному постулату народной юридической науки: на право надейся, а сам не плошай. Я внял просьбе родителей девочки, не стал разыскивать ключевого свидетеля убийства человека. Не опубликовал материал. Много лет прожил невиновным, пока сама девочка, ставшая матерью и наказанная безнаказанным злом, не обвинила себя и, следовательно, меня, в соучастии в преступлении против человека, что, по ее печальному опыту, обязательно тебе аукнется...

В правозащитной газете "Круг", где в 1996 году мне пришлось редакторствовать, имелась страница "Знай права, учи закон". Адвокат Наталья Довнар на конкретных ситуациях объясняла гражданам, как юридически грамотно бороться за человеческие права. Задача архиважная.

Однако я не имел права игнорировать народный опыт: на право надейся, а сам не плошай. Так и назвал соседнюю страницу. Она тоже базировалась на конкретных ситуациях, каковые в изобилии доставлял в редакцию журналист Андрей Козлович, мой старший сын.

Ситуация. Два молодых человека зашли в скупку продать золотые украшения покойной матери одного из них. Надо же, попали в милицейскую облаву. Обоих поставили к стенке ("Руки вверх! Ноги шире!"), начали допрашивать, где украли золото.

Продержав ребят три часа, установив происхождение золотых изделий, оперативники их отпустили. При этом, естественно, не извинившись. Далее цитирую из умершей от безденежья газеты «Круг»: "Оперативники, шестеро лбов, быстро исчезли. А Юра, вижу, не поднимается. Так и сидит, скукоженный. Оказывается, кто-то из них заученно, незаметно и сильно саданул ему коленкой в самое болезненное место мужчины. Промучился он неделю. Каждый из нас, мужики, может попасть в подобный переплет. Не заботьтесь о юридических тонкостях, это бессмысленно, бесполезно. Лучше позаботьтесь о яйцах, для чего не поворачивайтесь к оперативникам лицом."

Последовала гневная реакция учредителя газеты, мужчины, яростного правозащитника. Я получил письменное распоряжение впредь "не допускать сальностей и пошлых выражений и сосредоточиться на главной тематике по защите прав человека".

Хотел бы я видеть реакцию эстетствующего праведника, если бы лично ему попало в то самое место! Впрочем, насчет того места хочу сделать уточнение. Когда слушаю высокопарного велеречивого правозащитника, мужчину либо женщину, мне кажется, что Оно — бесполое.